

В которой Мистер Грейджиус заботится о благосостоянии питомицы

Встав на другое утро после бессонной и тревожной ночи на заре, Мистер Грейджиус уныло приготавливается направиться снова на поиски. Сойдя вниз, он находит, к своему неопишуемому удивлению, под древней сенью гостеприимного *П.Ж.Т.* сто пятьдесят восемь больших, средних и малых уличных мальчишек, которые все ожидают его пробуждения, дабы подать каждый поочередно свое мнение доброму джентльмену касательно исчезновения отыскиваемой Грейджиусом молодой пропавшей лэди, дабы, снабдив его самыми подробными сведениями о ста пятидесяти восьми различных замеченных ими на улицах «молодых женщинах» с более или менее растерянным видом, – заставляющим наблюдателя предполагать с первого на них взгляда, что всякая из этих молодых женщин сознает себя «пропавшей», – тем заявить свое неотъемлемое право на получение известной денежной премии, столь щедро сулимой Грейджиусом всем и каждому накануне того дня. Злополучный опекун, ухватившись по примеру утопающего за эту соломинку надежды, принуждён, таким образом, выслушать многочисленные описания, все до одного приводящие к одному лишь результату, а именно, что, кроме этой общей в них характеристической черты – «потерянного вида», в описываемых мальчишками лицах женского пола не находится, к несчастью, никакого другого сходства,¹ которое подало бы Грейджиусу малейшую надежду, несмотря на всё его желание, узнать в одной из «молодых женщин» пропавшую питомицу. Но не прошло и десяти минут, как почтенный джентльмен убедился собственным горьким опытом, что легче было привлечь этот полк «Депутатов» к *П.Ж.Т.*, чем отделаться от него... Почувствовав себя невыразимо обиженным нахальным предположением некоего толстого рыжеволосого трубочиста, сильно настаивающего на своём подозрении, что он заметил одну молодую лэди точь-в-точь такую, как описывал её «Старенький», пьющую джин с матросами в соседнем кабаке, злополучный джентльмен решил мгновенно прекратить с ними дальнейшие сношения и отправиться далее. Но исполнение этого благоразумного намеренья оказалось более чем невозможным по той простой причине, что все сто пятьдесят восемь «младенцев» также решились сопутствовать ему, каждый из них громко заявляя свою претензию на обещанную награду. Оглушенный и растерянный Грейджиус окончательно стал вынужденным искать спасения в собственной конторе, откуда он и был освобождён благодаря лишь редкому и великодушному мужеству мрачного Баззарда, который, решившись пожертвовать своей особю, немедленно отправился под непрерывным градом камней и грязи за шестью полисменами и, только соединясь с этими силами, успел отогнать вопящих под окнами уличных агентов.

С помраченными мыслями, усталый нравственно и физически, Грейджиус бросается на свое кресло, сильно погруженный в невесёлые мысли. Что Роза была увезена хитростью, в этом он не имел ни малейшего сомнения; не менее сильно того чувствовал он в глубине души своей, что под всем этим скрывался Джаспер. Сознав, сколь легко оказалось для последнего подобное похищение, старик не мог простить себе, что принимал доселе так мало предосторожностей к отвращению угрожавшей опасности. Если бы тотчас же по приезде ее он нанял бы для Розы дом и перешёл бы сам жить туда с нею, то этого не могло бы случиться. Горько упрекал себя бедный «Угловатый», от которого с первой минуты не отходило виденье давно умершей женщины, с немим укором глядевшей на него.

Но все эти поздние упреки и сожаления не помогали делу. Следовало действовать, так как становилось ясно, что если Джаспер был причиной всему, то необходимо было тотчас же принять какие-нибудь меры против этого человека.

Заглянув так недавно в прошлое Музыкального Учителя и зная через Розу, до какой дикой страсти доходили его выражения в его объяснении с нею в саду «Дома Монахинь», Мистер Грейджиус имел всякое право подозревать одного его. Но как дойти до Джаспера? Как заставить его сознаться в проступке, ни малейшей подробности о коем не было еще известно до сей поры Грейджиусу. Можно было заранее поручиться в том, что Джон Джаспер отречётся от всего с

¹ Далее зачеркнуто: *ко.*

первого слова, – а затем? Ничего более, конечно, так как не существовало ни малейшего доказательства против него.

Несчастный Грейджиус, вырвав у себя пучок желтоватых волос, впал в безысходное состояние отчаяния. Затем, подумав еще немного, он решился, невзирая ни на что, немедленно отправиться к Джасперу и прямо обвинить его в похищении.

Поспешно уложив в сак-вояж несколько необходимых туалетных принадлежностей и взглянув на часы, Грейджиус решил сперва отправиться к Мисс Туинкельтон, чтобы захватить с собой ученую девственницу и прямо ехать в Клоистергэм.

Обратившись к Баззарду, усердно занятому у письменного стола, и в нескольких словах объяснив ему дело, Грейджиус заключает:

«Поэтому я еду в Клоистергэм. Если кто зайдёт во время моего отсутствия, объявляйте всем, что я вернусь завтра или наипозднейшее на следующий день».

«Слушаюсь, сэр», – отвечает Баззард.

«И скажите Мистеру Тартару, – продолжает Грейджиус, – ничего не упоминать своим соседям об этом ужасном происшествии; и добавьте ему, Мистеру Тартару, что мне столь же трудно отдать себе отчёт в этом исчезновении, как будет то и ему самому, когда он услышит об нём».

«Но имеете подозрение?» – произносит Мистер Баззард, вперив на Грейджиуса мутные глаза.

«Имею. То же, которое и ему самому придет в голову, когда он узнает подробности».

«Знаю. Слушаюсь».

И Мистер Баззард, продолжая строчить с тем же мрачным спокойствием, произносит эти два слова так, как если бы он обращался с этим заключением² к мухе, ползущей в эту минуту на его перо и конвульсивно цепляющейся за него.

Схватив шляпу, Грейджиус выходит и прямо направляется к Билликинскому Владению, не останавливаясь на этот раз описывать пропавшую Розу проходящим.

Он находит Мисс Туинкельтон у обычного ее места, у окна, и занятую «вполне женским искусством», по ее мнению, грациозного тамбурного вязанья³. При входе его почтенная старая девица немедленно принимает на себя вид твёрдо примиренной с судьбой своей Римской матроны, за которой является палач, дабы обезглавить её ровно через двадцать две минуты.

Мистер Грейджиус уныло объявляет ей, что так как Роза не возвращалась и никто не знает, когда она еще может вернуться, то Мисс Туинкельтон будет, вероятно, удобнее дома, и поэтому он приглашает её тотчас же ехать с ним к давно лишенной ее общества классической местности, где она снова может с наслаждением начать вдыхать в себя родную, пропитанную науками атмосферу «Дома Монахинь».

Мисс Туинкельтон, видимо, обдумывает глубокий и тонкий ответ в приятной надежде огоршить им стоящего перед нею джентльмена, но, не придумав ничего такого, чтобы подходило к этому случаю, она довольствуется тем, что с достоинством наклоняет голову и удаляется тихими и величественными шагами в свою комнату с целью немедленно приступить к упаковке своей клажи.

Затем Грейджиус отправляется далее в намерении отыскать хозяйку и рассчитаться с нею окончательно.

Он находит её в задней приёмной, воинственно восседающей на своём боевом коне в одиночном турнире с только что пораженным ею и выбитого из стремян врагом – домашним мясником, коего, мясника, она беспощадно поражает последним спичем в настоящем Билликинском духе.

Мистер Грейджиус, услышав этот раздраженный голос, тотчас бы ретировался во всякое другое время, но в настоящую минуту свиданье с нею было так ему необходимо, что откладывать оное не было возможности; и так, после двух или трёх скромных заявлений у двери в виде стучанья и покашливанья, громкий голос Билликин приглашает его войти, и Мистер Грейджиус отворяет боязливо дверь.

² Далее зачеркнуто: к.

³ Вышивка крючком.

Увидя его, Билликин подает ему машинально стул и, сложив снова руки на груди, продолжает свое наступательное движение на мясника.

«Нет, сэ, – выражается она искренно, но с достоинством. – Нет! Это я уж *напрямик* отвергаю; подобную фальшь снести я не могу, как то ни горько для ваших чувствий, сэ. Будь то лишняя курица, годная, как это известно, старому и малому в пищу для большого человека, такого как я, – скажу без утайки, что правда, то правда, не стану скрывать своей постоянной болести⁴, – то, может быть, я и не спорила бы ни слова. Будь то говядина для ростбифу, что всякий истый *Хангличанин*⁵, как и *Хангличанка*⁶, признают во всякое время за уважительную пищу и здоровую для еды, тогда, может, я также бы сказала: “Вы правы, сэ, и правильно рассудили, что живущие под этой крышей, может, и съели лишний кусок ростбифу, как оно и могло случаем произойти”. Но когда вы, без всякого чувства стыда и совести, сэ, навалили мне в счет эту отвратительную телятину, о которой говоря, даже не знаю, как не прилипнет мне кусок к глотке, – телятина, которую никогда в жисти моей терпеть я не могла и, будучи малолетним дитёй еще, как только стала кормиться из своих рук, на глаза себе не пускала, – телятина, которая, как известно всякому крещёному человеку, почти одно, что и жареный младенец на вкус, – нет, сэ, телятину я отвергаю и скажу вам в трёх словах: “Про-тес-тую!”» – изливается Билликин, подчёркивая эти сочиен[н]ые ею три слова энергическими хлопаньями ладонью об ладонь, и, обертываясь, кидает разъяренный взгляд на смиренно сидящего и поджидающего Грейджиуса, как если бы этот джентльмен сам неожиданно превратился в телятину.

Так как злосчастный мясник ни на секунду не мог надеяться помериться красноречием с атакующей его в последних траншеях партией, то и решился, во избежание другого спича, вычеркнуть это «подобие жареного младенца» из счета и, рассчитавшись с Билликин, убирается подобру-поздорову.

«Я пришел, мэ, – начал Мистер Грейджиус, – сказать вам, что ввиду случившегося с моею питомицей несчастья я решился сдать немедленно эту квартиру и явился с целью рассчитаться с вами;⁷ надеюсь, что вы извините меня в случае, если этот внезапный отъезд подвергает вас какой-либо неприятности, так как вы сами должны видеть, что обстоятельства зависят не от моей воли».

«Оно действительно, что как будто и странно мне слышать это, сэ, – томно отвечает Билликин, сияя снова доброжелательной искренностью, – хотя ждать того я завсегда ждала, не скрою от вас и попытаюсь не стану по случаю лукавства и чернодушия разных других прочих наверху; и к слову будь сказано, сэ, со всем моим уважением к вам, оно верно, что неподходящее дело вы задумали, когда поручили невинную голубицу в лапы волка-кровопийцы».

Приведённый в новое смятение этим высокопарным упрёком, Мистер Грейджиус почёл за лучшее промолчать, не подымая перчатки, брошенной отсутствующему врагу, и, немного заикаясь, замечает:

«Вещи Мисс Бёд будут сегодня же уложены, но я попрошу вас оставить их в доме пока дня на два».

Билликин, которая во всё это время была занята⁸ какими-то таинственными вычислениями, ответив ему из учтивости, что они могут оставаться в доме сколько угодно, объявляет Мистеру Грейджиусу, что весь счет, как он есть, за «фатеру» и стол выходит, по ее мнению, восемь фунтов, четыре шиллинга и три пенса.

Мистер Грейджиус, ожидавший более бурной оппозиции, очень обрадован; и немедленно заплатив хозяйке по счету, он удаляется, попрощавшись с ней.

Между тем, Мисс Туинкельтон, уложив свои бесчисленные баулы, чемоданы и картонки, сидя в ожидании его в коридоре, заранее распорядилась о кэбе, который и ожидал их у дверей.

Выйдя из дому и только что учтивый старый джентльмен приготавлился посадить уважаемую главу «Дома Монахинь» в кэб, как вдруг является на крыльце Билликин, воинственнее

⁴ болезни (*устар.*).

⁵ Англичанин (*искаж.*).

⁶ Англичанка (*искаж.*).

⁷ Далее зачеркнуто: *и*.

⁸ Далее зачеркнуто: *была*.

и грознее, чем когда-либо; окликнув Мистера Грейджиуса, она подает ему небольшой сверток, бросая вызывающие взгляды на Мисс Туинкельтон.

«Я чрезмерно и оченно⁹ благодарна, – с пламенной искренностью заявляет она, – некоторым людям, которых бы могла назвать за то, что им так желательно опорочить наш дом, подбросив на коридоре этот узел нарочно с черным намерением, чтоб хозяйка нашла его, и в той надежде, что она, может, не вернёт его и припрячет. Есть такие фатеры, ни слова, где порочливость им нипочём и где подтибривают что ни попало; есть и такие семинарии для благородных девиц, без сумленья, где не свести им конца с концами никогда; там и мадамы ихние рады-радёхоньки сделаться нечистыми на руку, как они там себе не важничай; но этот дом презирает подобные поступки; говорю я вам это прямо и искренно, как и не стану утаивать, Мистер Грейджиус...»

С горделивой и высокомерной улыбкой берёт Мисс Туинкельтон сверток из рук Грейджиуса, замечая покровительственным тоном:

«Передайте, прошу вас, Мистер Грейджиус, этой особе, что честность следует уважать всюду, в каком бы грязном жилище она ни жила; и тем более она уважительна, когда находим мы её, к нашему удивлению, в том классе общества, где люди по причине вечно стеснённых обстоятельств и нравственного невежества более других бывают подвержены низким искушениям».

Билликин, лицо которой мгновенно озаряется всеми радужными цветами ярости, восклицает с высоты ступеней:

«Благодарим вас за доброе слово, которого никто и не *антересовался* знать либо слушать; надеемся, что ваши бедные семинарские барышни, что живут под крылышком такого старого аспида, станут посчастливее теперь, как вы пожили в первый раз своей жизни в честном доме и у честных людей».

Долго продолжался бы этот последний смертельный бой, если бы сконфуженный и перепуганный Грейджиус не приказал извозчику отъезжать. Извозчик, который, видимо, наслаждался даровой сценой и во всё время изъяслял свой восторг, воткнув указательный палец в левый глаз и моргая Билликин правым, как бы поощряя её в виде немой пантомимы, влезает медленно на козлы, как бы с сожалением покидая такое интересное поле сражения, и увозит улыбающуюся презрительной улыбкой Туинкельтон и чуть не плачущего Грейджиуса.

На другое утро после освобождения Розы Джаспер в счастливом неведении о случившемся, встав рано в Алдерсгэтской¹⁰ Гостинице, отправляется прямо домой по железной дороге. Переменяя вагон на омнибус, знакомый нам кондуктор дилижанса Джо вручает ему измятую грязную записку, в которой Фопперти приглашает Музыкального Учителя немедленно зайти к нему, так как у него есть кое-что новое для Джаспера.

Рассеянно спрятав бумажку в карман, он продолжает задумчиво свой путь до Клоистергэма; и, приехав, так же задумчиво идёт он домой и садится у открытого окна в той же задумчивости.

Долго смотрит он на протекающую невдалеке тихую реку. Усиленно следит он за быстрым неслышным течением её, как волна за волною катится перед глазами его, и Джону Джасперу начинает мерещиться, что каждая из них уносит на гребне своём частицу его жизни; всё ближе и ближе приближаются они в безостановочном мерном течении к морю и одна за другой исчезают в бездонной пустыне.

Внезапный стук в дверь пробуждает Регента и заставляет его сильно вздрогнуть; встав, чтоб отворить посетителю, он находится лицом к лицу с Дэтчери и его племянником, который кажется в этот день еще чернее, а повязка на глазу еще шире прежнего.

Дэтчери представляет родственника, и Джаспер радушно протягивает руку последнему. Неужто такая сильная робость овладела молодым человеком, что, подавая Регенту свою руку, он

⁹ очень (*прост.*).

¹⁰ Гостиница на Олдергэйст-стрит (*англ.* Aldersgate Street).

так дрожит и как будто колеблется, в то время как единственный глаз упорно устремлён на ковер комнаты?

«Не привык же к обществу этот деревенский медведь», – думает Джаспер, почувствовав непонятное отвращение к гостям своим.

Но он приглашает их сесть и, извиняясь за беспорядок, в котором они нашли комнату, начинает собирать разбросанные во всех углах нотные тетради и листы, напевая про себя легкую арию, но, в сущности, стараясь отдать себе отчёт в странном волнении, овладевающим им.

Джо Слоджерс наклоняется к дяде и, глупо ухмыляясь, замечает ему, какую хорошенькую штучку поёт Мистер *Джаспи*.

«*Джаспер*, сэръ, Джаспер, – благосклонно поправляет его Регент, добавляя, чтобы что-нибудь сказать. – А вы любите музыку, Мистер Слоджерс?»

Покраснев слегка сквозь глубокий загар, молодой человек отвечает утвердительно.

«Ах, дорогой мой сэръ, – вмешивается Дэтчери, – когда бы вы слышали, как поёт мать его, моя милая сестра! В нашем соседстве никому и не сравниться с ней; одно время она непременно хотела поступить на театр, и действительно сделалась бы знаменитой оперной певицей, но наша мать отговорила её, и вместо того она вышла замуж за отца Джо. Да, малый наследовал всю любовь матери своей к музыке».

Джаспер, который рад ухватиться за случай, чтобы немного долее уединиться от гостей, садится, не отвечая, за форт[еп]ьяно и поёт им первую попавшуюся песню. Последняя оказывается довольно длинной, так как необходимо дать известное время некоему влюбленному юноше уговорить даму сердца своего отворить ему окно, невзирая на обоюдный риск насморка и на ночное беспокойство всего соседства. Наконец, когда, несмотря на все жалобные моления, окно не открывается, а дама сердца, видимо, предпочитает тёплую постель ночной сырости, юноша предается судьбе и решается умолкнуть. Вместе с ним умолкает и Джаспер, опустя руки на колена и поглядывая исподлобья на посетителей.

Последние начинают рассыпаться в восторженных похвалах, и Мистер Дэтчери, принимая чрезвычайно серьёзный вид, торжественно обращается к племяннику:

«Этот джентльмен, Джо, имел много горя и вынес много хлопот за последние месяцы, – более чем можно подумать, глядя на него. Характер у Мистера Джаспера железный, Джо, а сила воли необычайная. Преклонимся же перед этим искренним горем и не станем утруждать долее нашего гостеприимного друга... Кстати, не слышали ли вы чего нового насчет вашего племянника?»

Джаспер медленно и грустно качает головой отрицательно и замечает, что уж он свыкся с этой страшной мыслью и, видно, ему никогда более не видать своего бедного мальчика на этом свете. И произнося последние слова, он пристально и упорно смотрит на Мистера Джо Слоджерса, который бледнеет от робости, но всё же не опускает своего глаза под этим странным взглядом и невинно смотрит, в свою очередь, на говорящего. С тяжелым взором снова садится Джон Джаспер, перебирая нервными пальцами разбросанные ноты; а Дэтчери опять является на выручку к обоим и прекращает тяжелое молчание следующим замечанием:

«Вижу с удовольствием, сэръ, что вы пришли, наконец, к тому убеждению, что никакое горе не вернёт прошлого и что поэтому вы и решаетесь стараться забыть об оном. Прав ли я, сэръ?»

«В первом замечании вашем, сознаюсь, вы правы, но с последним не могу согласиться. Я не хочу и не могу забыть моего дорогого мальчика; я слишком горячо любил его, чтоб забыть. Но я действительно пришел к тому убеждению, что мне следует позаботиться о своём здоровье и сделать усилие, чтобы утишить горе мое, но не забыть совсем, – нет, забыть мне невозможно!»

«Действительно, полагаю, что невозможно», – произносит как-то глухо голос юного Слоджерса.

Джаспер быстро подымает на него глаза, но встречает такое бесстрастное, глупое лицо, что тут же начинает внутренне смеяться над самим собою и отходит к окну, из которого снова устремляет взор на реку с почти такими же чувствами, как и за полчаса до того.

Дэтчери и племянник его обмениваются значительными взглядами и, встав, прощаются в ту самую минуту, как Мистрисс Топ появляется у дверей с письмом к Джасперу.

Оставшись один, Регент быстро срывает печать с письма; рука его сильно дрожит, а сердце бьётся недобрым предчувствием. Письмо коротко и содержит следующее:

«Добыча исчезла. Не прошло и часу после вашего ухода, как с помощью какой-то старухи она успела прокрасться из дверей. Возвращаясь поздно домой, я встретил их недалеко от корта и погнался тотчас же за ними. Но попытка не удалась. Последствий не бойтесь. Мы будем молчать. При будущем свидании поговорим обстоятельнее. Э.С.¹¹».

Конвульсивно стиснув письмо в руке, с помертвелым лицом и горящими мрачным отчаянием глазами, Джаспер начинает бегать по комнате, кружась, как раненый зверь в клетке.

«Какой злой демон преследует меня? – шепчет он хриплым отрывистым голосом. – Неужели каждый шаг, что я выигрываю такими нечеловеческими усилиями, приближает меня только всё ближе к гибели, расширяя всё более и более лежащую между мной и ею бездну? Не бояться последствий! Слабоумный идиот! Что значат тысячи таких скандалов и открытых преступлений в сравнении с этим адским чувством, терзающим меня днем и ночью? Так близко быть к цели... и разом увидеть снова всё разрушенным! Но нет, тут что-нибудь да кроется... Либо Сландесы изменяют мне, или же кто-нибудь следит за каждым шагом моим».

Улыбка торжества, демонская, кровожадная улыбка вдруг появляется на лице его; Джаспер вспоминает о приглашении Фопперти и, успокоясь, продолжает:

«Нет, нет! Судьба еще не совсем покинула меня; я предчувствую по тону этой записки, что Фопперти нашел убежище Невилля Ландлесса, и не моя будет то вина, если я в десять тысяч раз выйду на нём за эти мучения, которые становятся невыносимыми для меня!..»

И Джаспер немедленно отправляется к Фопперти. Осторожная хитрость и тут не покидает его; продолжая осматриваться незаметно по сторонам, он делает по пути всевозможные крюки и повороты и, дойдя до переулка со стороны реки, быстро взбегает по разрушенной лестнице.

Войдя в собственный, принадлежащий Мистеру Фопперти спальный покой его, он находит комнату столь наполненную табачным непроницаемым дымом, что Джаспер может с большим только трудом различать окружающие предметы. Одним из этих предметов оказывается сам Мистер Фопперти, сидящий в спокойной позе на соломенном стуле; ноги его отдыхают на ближнем столе, а в зубах коротенькая трубка, из которой сей джентльмен выпускает густые табачные волны. Небрежно кивнув Джасперу головою, он приглашает его жестом садиться и возвращается так же молчаливо к своей трубке, расставаясь с нею только временами, чтобы хлебнуть какое-то подозрительное питье из близстоящего стакана.

«Наслаждаетесь жизнью, Фопперти?» – замечает Джаспер, не зная, с чего начать.

«Наслаждаюсь. Нешто законы препятствуют тому, что ли?»

«Конечно, что нет, – нетерпеливо соглашается Джон Джаспер, начиная злиться. – Но я пришел к вам не для того, чтобы рассуждать о законах. Узнали вы что-нибудь, что нужно?»

Глаза Фопперти начинают немедленно с этой минуты свою любимую игру в прятки, и Фопперти, не отвечая прямо на вопрос, произносит:

«Принесли с собою *душек*?»

«Если вы под словом *душки* подразумеваете билеты Английского банка, то принёс. Но я желаю убедиться сперва, заслужили ли вы их?»

Фопперти продолжает хладнокровно покуривать и несколько минут не отвечает. Затем, плюнув в сторону с необыкновенной ловкостью, говорит:

«Так и быть, поверю вам на слово, только смотрите, берегитесь надуть меня потом, не то плохо вам будет. Ну, я нашел того господчика и знаю, где он прячется».

Дьявольское выражение радости озаряет бледное лицо Джаспера, но он холодно осведомляется, каким образом он нашел Ландлесса.

Фопперти считает священным долгом посвятить его в немалые затруднения и кончает, уведомляя его, что он найдёт Невилля в Чансери-Лэне, сочиняя при этом несуществующий номер.

«Наконец он попался мне! – восклицает торжествующий Джаспер. – Посмотрим теперь, как он увернётся от наказания за свое кровавое преступление».

¹¹ Эдгард Сландес.

Вынимая из кармана половину условленной цены, он собирается уходить, но Фопперти, помня обещанное им Грейджиусу, уговаривает его обождать и ловко наводит разговор на прежнюю тэму¹².

«Полагаю, – говорит он, пряча в карман полученные деньги, – полагаю, что вы тотчас же подцепите молодца и передадите его в руки правосудия?»

«Без сомнения, – отвечает, бешено сверкая глазами, Джаспер, – теперь у меня есть такие доказательства, что сам ад не вырвет его у меня из рук».

«Значит, вы не сами хотите лично с ним разделаться?»

Джаспер не отвечает и быстрыми шагами бежит по комнате, как бы что раздумывая.

«Ну, а когда же вы собираетесь действовать?»

«Через несколько дней самое позднее. У меня есть другое дело... Я, может быть, потребую от вас еще помощи в то время. Согласны ли вы?»

«Ладно, ладно. Вы всегда найдёте меня готовым, когда только захотите».

И Мистер Фопперти, выколотив трубку, готовится набивать другую.

Джасперу начинает казаться, что он никогда не видал никого другого, кто бы столько курил; и табачный дым выедаёт ему глаза, лезет в горло, в нос и уши. Полузадохшийся, он поспешно хватается шляпу с намереньем вырваться скорее на свежий воздух, но тут же остановлен ввалившейся в комнату родительницей, которая просит его «чутьочку пообождать».

«Говорите скорее, мне некогда и я должен сейчас идти», – отвечает он задыхающимся голосом.

«Ну, мое дело не потребует долгого слушанья, – замечает родительница, ухмыляясь во весь рот, как бы от души желая похвастаться беззубыми дёснами, – мне нужно деньжонок, чтобы справиться кое-что из одежды Бетси».

«Неужто вы всё истратили, что я недавно дал вам для неё?» – осведомляется нетерпеливо Джаспер.

«Всё до последней пэнни, – отвечает старуха, умильно складывая грязные руки на огромном шаре, выдающимся у нее на месте желудка. – Всё, дорогой сэр, и всё для неё одной».

Джаспер бросает ей поспешно несколько серебряных монет и вырывается на чистый воздух.

Не успел он затворить двери, как Мистер Фопперти закатывается искренним долгим хохотом, опрокидываясь на спинку своего трещащего стула и выбивая удивительные *nd* каблуками толстых сапог по столу. Родительница вторит ему не с меньшим усердием, и этот дуэт продолжается у них, пока старый стул окончательно не подламывается под Фопперти и не садит этого джентльмена на пол; тогда, поднявшись с помощью старухи, которая проливает над сыном весёлые слёзы смеха, они оба начинают моргать друг другу, кивая чрезвычайно выразительно головами, и, открыв настежь окна и двери, очищают комнату от тёмных облаков дыма.

В этот самый день вечерний Лондонский поезд привёз благополучно на ближайшую станцию наших других двух знакомых, Грейджиуса и Мисс Туинкельтон, которые, доехав с омнибусом до старинного городка, отправились тотчас же в «Дом Монахинь».

Приезд главы этой девственной республики произвел неописанное, хотя и сдержанное смятение в отвыкших от дисциплины рядах юных обитательниц этой страны наук. Много шептались они под предводительством неисправимой Мисс Фердинанд¹³:

«Какая жалость, что это педантическое, скучное, старое создание вернулось, когда им так легко жилось без неё!»

Но так как милосердная судьба избавила «старое созданье» от огорчения убедиться на опыте в черной неблагодарности воспитанниц ее, то она и повела¹⁴ Мистера Грейджиуса прямо в приемную, где красовались на своём старом месте земная и Небесная сферы, обе тесно затянутые

¹² тему (*фр.* thème [tɛm]).

¹³ *Англ.* Ferdinand.

¹⁴ Далее зачеркнуто: *прямо*.

в своих холщовых запыхлённых чехлах, как два приговоренные средневековые преступника в предсмертном рубище и с посыпанными пеплом головами.

Войдя в комнату, светлые картины прошлого тотчас же возникли в памяти Мистера Грейджиуса, который, вспомнив об этой розовой, счастливой, беззаботной девочке, так недавно еще принимавшей опекуна в последнем посещении его в этой самой приёмной, начал снова горько упрекать себя. Угрызения совести этого бедного джентльмена дошли до такой восторженной точки, что ему положительно целый день казалось, будто он видит другой, столь похожий на Розу образ, сурово спрашивающий его:

«Каин, что сделал ты с братом своим?»¹⁵

«Бедное, бедное дитя, как мало предчувствовало ты свою жестокую судьбу. Ты доверилось мне, а я... Что сделал я для предохранения твоего? О, если бы знал я только, если бы предчувствовал!.. Я не мог спасти мать твою; не сумел я спасти и тебя, несчастное дитя!»

Пока так беспощадно упрекал себя «Угловатый», дверь отворилась и пропустила величественно гостеприимную фигуру Мисс Туинкельтон, а за нею добродушно улыбающееся свежее лицо Минор-Канона.

Мистер Криспаркль так горячо стал потрясать руку своего старого друга, что можно было подумать, что целые годы и все земные океаны разделяли до той минуты обоих их:

«Я только что узнал о вашем приезде и поспешил сюда, чтобы уговорить вас, умолить, мой добрый друг, сделать мне честь остановиться у меня, пока вы здесь... Я так боялся, чтоб вы не перешли в гостиницу...»

«Вы очень добры, дорогой сэр, – уныло отвечал Грейджиус, – и если подобное приглашение вас не беспокоит, то я с удовольствием приму его, хотя, признаться сказать, вы найдёте во мне плохого гостя, так как я нахожусь, – если подобное выражение прилично такому “Угловатому Человеку”, как я, – под влиянием сильной горести».

Минор-Канон, который с первой минуты заметил, что что-то не клеилось в его старом друге, с участием стал осведомляться о причине его горя, а Мисс Туинкельтон, внезапно почувствовав сожаление к двум приговоренным преступникам, тотчас же в видах помилованья стала раскутывать их из саванов и приводить в нормальное положение, обмётывая их и устанавливая с видом величайшей заботливости.

«Мой дорогой сэр, – говорит Криспаркль, – что это с вами? Как вы действительно похудели! Надеюсь, что ничего не случилось нового с нашими юными обитателями Тартарийских Владений? Елена, Мисс Ландлесс, – неужели?...»

Бедный «Угловатый Джентльмен» во всякое другое время возымел бы право удивиться тому, что Минор-Канон может на одну минуту подумать, что он, Грейджиус, так похудел вследствие какого-либо случая, могущего приключиться с Еленой Ландлесс, и затем иметь такое же право вывести из сего казуса некоторые угловатые заключения; но в эту минуту он был так всецело поглощён одной и той же мыслью, что он¹⁶ просто отвечал следующее:

«Насколько мне известно, брат и сестра находятся в том же положении, как и прежде, и оба здоровы. Но я не могу, к несчастью своему, сказать того же о бедном ребёнке, которое я так глупо предоставил сам опасностям. Питомица моя, сэр, Мисс Бёд, пропала... Быть может, насколько мне известно об ней, и умерла даже, и я приехал сюда с слабой надеждой отыскать её».

И слёзы выступают у него на глазах при последнем замечании.

«Дорогой мой друг, – отвечает Канон с искренней тревогой на лице, – вы удивляете – и поражаете меня в высшей степени... Мисс Бёд пропала! Что это значит, ради Бога?»

«Не могу сказать вам, что это значит, не могу, словом, сказать ничего, кроме простого заявленья факта...»

«Но неужели вы не подозреваете никого такого, кто бы мог совершить подобный злодейский проступок?»

¹⁵ «И сказал Господь [Бог] Каину: где Авель, брат твой?» (Быт. 4, 9).

¹⁶ Далее зачеркнуто: *на*.

«Вы употребили настоящий термин, Преподобный сэр. Я имею *подозрение*, но ничего, кроме подозрения. Фактов либо доказательств у меня нет ни одного. Но если вы желаете пройтись со мною, сэр, то, может быть, и придумаем что-либо с Божией помощью».

И оба джентльмена берутся за шляпы. Уходя, Грейджиус обращается к Мисс Туинкельтон и произносит ровным, спокойным и будто заучившим урок голосом следующее извинение:

«Надеюсь, дорогая лэди, что вы искренно извините меня, если я показался когда в ваших глазах дерзким либо когда слишком погорячился в вашем присутствии, с тех пор как был поражён столь неожиданным, ужасным ударом; но удар сей парализовал во мне разум и я положительно не мог отвечать ни за свои поступки, ни за слова свои, которые, без сомненья, оказались весьма глупыми. Надеюсь, что мы расстаёмся добрыми друзьями, и что вы не станете питать против меня вражде[б]ного чувства».

И Грейджиус протягивает ей руку.

Сильно обрадовалась глава «Дома Монахинь», которая, не ожидая столько великодушия со стороны опекуна, немало перепугалась было уже за могущие произойти, вследствие её нерадения к одной из воспитанниц, таинственные и очень неприятные сокращения в третичных доходах заведения. И так, горячо пожимая простёртую к ней руку Грейджиуса, красноречивая девственница немедля отвечает ему с самой грациозной своей улыбкой:

«Прощаю и от всей души извиняю вас, многоуважаемый сэр, заявляя вместе с тем со всей подходящей к обстоятельствам искренностью, что никого не может и не должно более воспламенять подобное христианское чувство, как тех, которых прямая обязанность вливать в юные души Главные Добродетели¹⁷ с присоединением к сим Добродетелям Схоластических Наук, – и для подобных, Небом избранных Особ, правило это должно всегда быть Золотым Правилom. Сочувствую вам, сэр, и сожалею, что власть моя не простиралась до того, чтобы воспрепятствовать Мисс Бёд в задуманной ею утренней и одинокой прогулке. Но Мисс Бёд не находилась в то время в недрах *этих* тихих стен. Мисс Бёд была Независимой Личностью и, быв оной, пользовалась всеми привилегиями, дарованными Независимым Личностям. Повторяю, глубоко сожалею и надеюсь, что Мисс Роза вернётся еще и что все мы весьма скоро увидим её возвращающуюся к прерванным ею плодотворным Наукам “Дома Монахинь”».

Поблагодарив её и простившись, Мистер Грейджиус выходит с Минор-Канонem из дома, в котором протекли лучшие годы Розы, но стены которого не увидят её более, по крайней мере, как воспитанницу.

С полными торжества мыслями возвращается Джон Джаспер к себе; самые привлекательные картины, из которых представляющая юного Невилля, висящего на виселице, не из самых еще замечательных, поочередно являются и исчезают в его воображении. Он твердо решил не оставлять теперь ни малейшей возможности несчастному спастись из его рук. Сняв сюртук, он приближает стул к окну и принимается снова следить за рекою. Но теперь он смотрит на неё с другими чувствами, и каждая протекающая волна уносит в его воображении один из годов жизни Ландлесса, приближая его с каждой минутой к темнеющему вдали Океану Вечности.

Как и в первый раз, кто-то стучит у дверей, но Джон Джаспер не вздрагивает и не встает, но просто просит войти.

Дверь открывается и в комнату входит Мистер Грейджиус, а за ним Минор-Канон.

На секунду, только на одну секунду, что-то передёрнуло Джасперовское лицо, но он тотчас же спокойно и учтиво, не выказывая ни малейшего удивления, просит их садиться.

Мистер Грейджиус, не обращая вниманья на двух разговаривающих, медленно вынимает из бокового кармана очки, так же медленно протирает их и, оседлав ими нос, вперяет в Музыкального Учителя пристальный взгляд.

Джаспер заметил его и чувствует на себе этот пристальный взгляд, но ни один мускул не шевелится на лице его.

«Давно не видал я вас, любезный сэр, – обращается он к Грейджиусу, – с самого того несчастного дня, как я потерял моего дорогого мальчика».

И голос Джаспера прерывается, а на глазах являются слёзы при этом воспоминаньи.

¹⁷ Основные добродетели (*фр.* *vertus cardinales*) – справедливость, благоразумие, умеренность, храбрость.

Но Мистер Грейджиус не выказывает большого сочувствия этому горю; и если когда-либо лицо человеческое – будь оно лицо самого «Угловатого» или «*Не Угловатого Человека*» – выражало презрение с самыми ясными признаками отвращения, то это было лицо Мистера Грейджиуса из *П.Ж.Т.*

Повернувшись к нему всем телом и не спуская глаз с Музыкального Учителя, он отвечает ему ровным и отчётливым голосом:

«Во всё это время, пока то было возможно мне, я воздерживался от чести посещать вас, сэръ, так как был заранее уверен в том, что я не желаемый у вас гость, – но это, во-первых, а во-вторых, будет то, что я не имел никакого до вас дела. Таким образом, смею надеяться, что не очень изумлю вас, объявив, что и на этот раз я не потому явился к вам, чтобы питал к вашей особе какое-либо особенное чувство уважения или расположения, но единственно потому, что имею весьма серьёзное до вас дело».

Мистер Грейджиус умолкает на минуту, дабы дать Джасперу время ответить. Но Джаспер молчит и угрюмо смотрит на свои сапоги.

Мистер Криспаркль, видимо, смущен этой приближающейся сценой и ищет прибежища у окна, по стеклам которого он начинает тихо выбивать марш вроде необходимой мелодии оркестра во время антрактов.

«Когда, – снова начинает таким же однообразным голосом Грейджиус, – когда ваш племянник исчез столь неожиданно (если смею так выразиться) с лица вселенной, я сожалел о нём, предполагая тогда, как предполагаю и теперь, что он убит. Так же точно предполагал я, и *даже знал* наверное, с самой минуты происшествия, что знай убившая его особа те факты, которые были известны тогда *мне* и которые один *я* знал, то особа эта, коей смерть его должна была доставить – не менее известные мне – выгоды, сознала бы всю бесполезность своего преступления».

Он снова останавливается, чтобы дать время ответить неподвижному человеку, который сидит перед ним с таким бледным лицом и с такими злобно горящими глазами, выражающими ужас и вместе с тем ненависть, что мрачный огонь их удешевляет еще бледность его, – но этот человек сидит не шевелясь, и ни одного слова не произносят посиневшие уста.

Оркестр начинает снова интермедию на оконном стекле, и Минор-Канон, видимо, заинтересован каким-то зрелищем в переулке.

Мистер Грейджиус продолжает так же бесстрастно:

«И так, судьба решила, что этому молодому человеку следовало погибнуть, и воля судьбы свершилась – он погиб. Как, когда, в какую минуту, никто не знает, кроме убийцы. Узнает ли кто когда убийцу – на то еще есть надежда. По крайней мере, я сильно надеюсь... Надеюсь также, что вы слушаете, сэръ, со вниманьем слова мои».

Так неподвижно сидит Джаспер, что Грейджиус принужден коснуться до него, дабы убедиться, что он жив.

Нервно шевелятся пересохшие губы и произносят наконец:

«Я слушаю вас – продолжайте».

И рука сопровождает спазматическим движением слова.

Интермеццо¹⁸ на стекле умолкает, и Грейджиус продолжает далее:

«Об молодом человеке, заподозренном в то время в этом низком преступлении, скажу одно: я считал его невинным тогда и считаю столь же невинным теперь. Скажу более, в случае, если кто решится преследовать его, взводя на него чужое преступление, стократ было бы безопаснее для обвинителя, если бы он удержался вовремя, не имея в руках самой неопровержимой улики против сего юноши, так как за последнего могут явиться защитниками его такие друзья, которые сумеют привлечь взор правосудия на настоящего убийцу».

Адская, злобная усмешка поддерживает запёкшиеся губы во время третьего антракта.

«Высказав столько по поводу совершенно не касающихся до меня дел, позволю себе начать говорить и о собственном, *личном*, для меня деле. Несколько дней до сего Мисс Бёд, питомица

¹⁸ Интермеццо (*ит.* Intermezzo) – небольшое комическое представление, разыгрываемое между актами или картинами оперы; небольшая самостоятельная инструментальная пьеса или часть инструментального цикла.

моя, жила еще спокойно и в сравнительной безопасности в доме, нанятом мною для нее; в безопасности, говорю я, по моему мнению, от тех, которые, казалось мне,¹⁹ не осмелились бы никогда решиться на совершение подобного преступления, пока она жила там. Теперь же она исчезла; и исчезла, как и жених ее, Едвин Друд,²⁰ при одинаковых почти обстоятельствах и в сопровождении той же таинственности. Я не обвиняю никого; но мне известны, и хорошо известны, все подробности некоего происшествия, заставившего её бежать из Клоистергэма, дабы искать покровительства в моём доме. Она не скрыла от меня любви и преследования некоего человека, к которому она постоянно питала чувства боязни и отвращения. И так, зная о²¹ вышеупомянутом преследовании, я прихожу прямо к вам, дабы посоветовать вам открыть мне место заключения ее. Если вы откажетесь сознаться в том, в чем я имею самое положительное убеждение, то я буду вынужденным объявить вам, что я твёрдо решился, предупредив вас заранее о сем, принять законные меры к производству следствия, на котором будет открыто мною всё то, чего еще никто не знает, то есть²² отношения ее и прикосновенность к прошлому преступлению, и насколько исчезновение Мисс Бёд имеет связи с исчезновением того, о ком вы, по-видимому, заявляете перед всеми такое горькое сожаление и безутешное отчаяние.

Медленно приподымается бледное лицо к Грейджиусу и бескровные уста медленно произносят:

«И вы обвиняете *меня* в похищении Мисс Бёд?.. Меня?!..»

«Я никого не обвиняю лично. Я пришел к вам за объяснением, так как вполне уверен, что вы знаете, где *она*. Если вы не желаете открыть *мне* ее местопребывания, тогда наше свиданье кончено и...»

«Стойте, сэр! – восклицает свирепо Джаспер, вскакивая со стула и становясь перед Грейджиусом. – Я слушал молча и не оправдываясь во всё то время, как вы чернили меня намёками самого позорного рода... Разве недостаточно того, что я выстрадал за это время? Не довольно разве целых месяцев муки вследствие этой ужасной неизвестности о моём пропавшем племяннике, этих тревожных дней и бессонных ночей в великом горе, выпавшем на мою долю; в этой одинокой борьбе с подозрениями, которые, не знаю, как не убили меня? И теперь, когда я только что начинаю приходить в себя, оживаю, стараюсь забыть, отвязаться от этого страшного привиденья неизвестности, от этой горестной, пожирающей огнём всю душу мою мысли, что его уж нет на свете, вы приходите снова растревать мои еле заживающие раны – обвиняете меня по личной догадке самым непростительным образом и разом толкаете меня снова в зияющую пропасть, из которой я едва начал освобождаться! О, это ужасно, сэр, это жестоко, и вы скоро раскаетесь в том...»

Он бросается в кресло и, закрыв лицо руками, предается дикому порыву горести.

Оркестр на окне умолкает, и лицо доброго Каноника выказывает нерешимость и истинное сочувствие; но бесчувственный Грейджиус прикладывает в виде предостереженья палец к носу, и Криспаркль не произносит ни слова.

Старый джентльмен еще раз обращается к Джасперу:

«И так, судя по вашим словам, я ошибся в расчёте и теперь, не имея возможности узнать от вас желаемого, должен принять другие меры, дабы отыскать пропавшую Мисс Бёд. Может быть, вы и правы, сэр, так как, отыскивая её, можно найти и кое-что другое, что вы предпочитаете сохранять тайным в глубине души вашей».

Минор-Канон пользуется минутной остановкой, чтобы заметить, «что, вероятно, обоим было бы приятнее, если бы он удалился и оставил их вдвоём».

«Нет, нет, – поспешно прерывает Грейджиус добросердечного джентльмена, – садитесь, прошу вас, сэр. Я предпочитаю беседовать с этим джентльменом в присутствии третьего лица. Я всегда считал нелишним иметь под рукой свидетеля в серьёзных делах своей жизни, а в настоящую минуту считаю это даже, – если смею так выразиться, – необходимым. Но может быть

¹⁹ Далее зачеркнуто: *никогда*.

²⁰ Далее зачеркнуто: *под*.

²¹ Далее зачеркнуто: *б*.

²² Далее зачеркнуто: *всё то*.

и то, что наше обоюдное дело с Мистером Джаспером кончено; тогда нам лучше удалиться *обоим*».

«Стойте, – останавливает их Джаспер, видя, что они берутся за шляпы. – Я желаю теперь высказаться в свою очередь. Постараюсь быть кратким. Я знаю, и всегда знал, что вам было известно одно обстоятельство; именно то, что, когда Мисс Бёд уезжала из Клоистергэма, я в тот же день осмелился просить у ней ее руки. Если бы я не любил её, то, конечно, не стал бы умолять её сделаться моей женой. Долго еще до того времени, как исчез мой дорогой мальчик, я любил её, но страдал один, и любовь моя оставалась тайной для всех. Доколе я молчал, эта любовь не вредила никому, и я продолжал так же безумно любить её, хотя и знал, что она обручена с другим. Когда бы мог я вырвать эту несчастную страсть из груди моей, я сделал бы это, даже если бы мне пришлось вырвать вместе с нею и сердце своё; да, я сделал бы то из одной великой привязанности к тому, одно имя которого раздирает мне душу. Когда его не стало, а я почувствовал убеждение, – я чувствую его и теперь, – что никогда не увижу я его более на этой земле, я решил открыть свою любовь свободной, по моим понятиям, девушке. Если она не могла любить меня, то ей стоило только сказать мне это прямо и откровенно; я не стал бы более утруждать её своей любовью, хотя мне пришлось бы даже умереть от этой муки... Но нет! Она принимает честное предложение за невиданную дерзость, страстные моления за какие-то угрозы и спасается от меня бегством под крылышко своего опекуна, который, как видно, одобряет её, поощряя всеми мерами эту странную в ней мысль, что всякий мужчина, честно предлагающий ей свою руку и любовь, должен непременно быть самым лютым для нее врагом, а она должна избегать его как чудовища! Нет, сэр, – бешено продолжает Джаспер и голос его дрожит, а глаза наливаются кровью, – я отвергаю с презрением подобные покушения замарать мою незапятнанную доселе честь; я люблю Розу, Мисс Бёд, я люблю её страстно и пламенно; но я не тронул бы единого волоска на ее драгоценной головке для удовлетворения ценой жизни любви моей, так же как и не отказался бы от счастья любить её – ради всех опекунов Англии! Любовь моя – единственное блаженство, предоставленное мне судьбой, и любить её я стану, пока сердце не перестанет биться навеки в груди моей! Выслушав признание мое, сэр, всё ли вы еще полагаете, что я знаю, где она, и скрываю от вас ее местопребывание, лукаво и злобно?»

Хотя он высказал тираду свою, очевидно, в пользу Мистера Грейджиуса, но лицо его обращено во всё время к Минор-Канону. Что-то сочувственное, колеблющееся в его пользу виднелось ему в чертах Мистера Криспаркля, тогда как на деревянном облике опекуна лежала та же ясная печать презрения и отвращения к говорящему, как и во всё остальное время свидания.

«Было бы более чем кстати, – замечает Грейджиус тем же медленным невыразительным голосом, – и оказалось бы более удовлетворительным для нас обоих нас, если бы вышеупомянутое местопребывание было открыто особою, – которая готова идти так смело против всех опекунов Англии, – законному, присутствующему здесь опекуну, как ни ничтожен сей обр²³азчик легальных покровителей. Быть может, я ошибаюсь, и в таком случае попрошу вас приписать ошибку к моей угловатости, но мне сильно кажется, что в настоящем случае страстно влюбленный,²⁴ благородный, хотя и отвергнутый обожатель удивительно как бы возвысил себя в глазах всех знающих его, приняв на себя роль великодушного героя, приносящегося в жертву на алтаре любви, и открыл бы оное местопребывание для обоюдной пользы, как своей, так и молодой лэди, до которой ему, во всяком случае, невозможно будет дойти иначе как посредством нового преступления».

Поняв, что убедить Грейджиуса в его невинности было бы невозможностью, Джаспер переменяет тактику и облекается в смиренный вид напрасно обвиняемой жертвы. Отвернувшись от пристально следящего за ним [в] четыре глаза Мистера Грейджиуса, очки которого слезли на нос и преследуют его по всем направлениям, Джаспер, всё еще глядя на Минор-Канона, грустно произносит следующее:

«Одно утешает пока меня; я вполне чувствую, что есть еще на свете благородные особы, которые сознают в душе своей всю невинность мою. Они знают все страдания мои, им известны

²³ образчик (*устар.*).

²⁴ Далее зачеркнуто: *и*.

адские муки, растерзавшие всю мою жизнь. Когда молодая лэди вернётся к вам, сэра, – а в этом я вполне уверен, сердце шепчет мне, что она не замедлит своим появлением, – тогда, надеюсь, Мистер Грейджиус, что вы убедитесь в истине моих уверений и сознаетесь сами, как горько вы оскорбили меня сегодня!»

Грейджиус кланяется на манер деревянной марионетки, которую дернули за ниточку, и поспешно отвечает:

«Благодарю вас, сэра, за доброе предзнаменование; с настоящей минуты я чувствую себя спокойнее, услышав от вас самого слова, нащёптываемые вам вещим сердцем вашим. Этому сердцу я почему-то доверяю, так как ему, очевидно, лучше знать, чем нам, – и поэтому я уйду с сильной уверенностью увидеть Мисс Бёд в скором времени. Но теперь, – продолжает он, внезапно переменяя тон, – я желаю, чтобы вы знали одно: отправляясь к вам, Мистеру Джасперу, за необходимыми мне сведениями, я ни на минуту не предполагал, – зная вас так, как я знаю, – чтобы вы открыли мне добровольно местопребывание Розы. Поэтому я уйду отсюда без малейшего чувства обманутого ожидания. Я оставляю вас теперь с приятной надеждой встретиться снова – и в скором времени; но из боязни, что, быть может, сама судьба как-нибудь воспрепятствует мне в выполнении вышеречённой надежды, пользуюсь настоящим случаем, чтобы высказать вам собственное *моё* о вас мнение. Попрошу и вас, Преподобный сэра, внимательно выслушать оное и принять к сведению. И так: я считаю вас, Мистер Джон Джаспер, самым коварным и лукавым дьяволом, созданным на земле для горя человеческого, таким, который не остановится ни перед каким преступлением для удовлетворения собственных порочных страстей. Вот чем я считаю вас, Джон Джаспер, и вам лучше знать, прав ли я или же ошибаюсь. Завтра я вернусь в Лондон. Если через двадцать четыре часа Мисс Бёд не появится снова, то мы станем искать её законным образом, стараясь отыскать в то же время и жениха её – Едвина Друда».

Оба джентльмена, разменявшись холодными поклонами, исчезают за дверью, которая запирается за ними на ключ Джаспером. Оставшись один, он отгоняет от себя нечеловеческим усилием овладевающую им слабость и направляется на прежнее место, к окну. Но теперь он спрашивает себя, неужто под прозрачными волнами реки стали бы терзать его те же страшные муки, которые терзали его теперь?